

Манеж под луной сиял, словно заснеженное поле, но, в отличие от гладкого снега, был испещрён следами копыт.

Из небольшой виллы вдалеке доносились обрывки мелодии. Звуки, долетая сюда, тревожили только что распустившиеся персиковые деревья. Лепестки, кружась, опускались на похожий на снег песок, словно падая в безмятежное море времени.

Рояль был новый, от него ещё пахло деревом и лаком.

Поначалу Чжун Цин очень боялся, что слёзы, попав на клавиши, испортят его, и, не дожидаясь, пока они упадут, вытирал их рукой. Он был похож на наказанного ребёнка, который, полный обид, но не смея перечить родителям и не желая признавать свою вину, не позволяет никому видеть своих слёз.

Позже он понял, что слёзы — не самая большая угроза для этого рояля.

Почувствовав, что собирается сделать человек над ним, Чжун Цин поспешно обхватил его за шею.

— Чжуан Янь! Не здесь! Рояль сломается!

— Так жалеешь рояль?

Чжуан Янь не останавливался.

— Или того, кто на нём играет?

Чжун Цин не мог вымолвить ни слова. Откуда ему было знать, что этот «старомодный» Чжуан Янь теперь так искушён в играх?

Этот рояль был изготовлен вручную знаменитым мастером и выставлялся за границей, в их стране он не продавался. Даже экспресс-доставка по воздуху заняла бы больше половины дня, а Чжун Цин, вернувшись домой после утомительного дня, полного лекций, увидел его, тихо стоящим в гостиной.

Это означало, что, когда Чжуан Янь беззвучно произнёс те три слова, он уже придумал, как его наказать.

— Не бойся.

Чжуан Янь спокойно усмехнулся ему на ухо.

— Просто будь повнимательнее, и ничего не прольётся.

Руки, обнимавшие шею Чжуан Яня, мгновенно сжались. Чжун Цин не выдержал и, уткнувшись ему в плечо, укусил. Укусил сильно, до привкуса крови на губах.

Он не смел выразить своё недовольство иначе, не смел даже слишком сильно сопротивляться.

Чувствительные клавиши под ним сводили его с ума. Малейшее движение — и раздавалась череда нот, которые в тихой лунной ночи звучали как раскаты грома, терзая его стыд.

Большинство ночных сторожей на конюшне были стариками, нанятыми ещё госпожой Ло Жун, — они видели, как росли Чжун Цин и Чжуан Янь. Чжун Цин ни за что не хотел, чтобы их извращённые отношения разрушили их представления о мире.

И тут он понял, что роялю под ним угрожает третья опасность.

Он начал потеть.

От пота его тело стало влажным и скользким, и он едва мог усидеть. Он пытался удержаться, но это означало полностью отдаться в объятия Чжуан Яня. В нерешительности он соскользнул на край клавиатуры, и страх падения заставил его инстинктивно опереться руками — несколько клавиш одновременно издали оглушительный рёв, словно увертюра к симфонии.

Чжуан Янь, казалось, совершенно невозмутим. Он тёрся о его мочку уха.

— Как красиво. А-Цин — лучший музыкант.

— ...Не называй меня так.

Воспоминания об этих двух слогах, которые он с таким трудом похоронил, снова всплыли. Чжун Цин не понимал, почему они оба должны были выражать своё желание властвовать именно так. И Чжуан Янь, и тот сломанный бамбук.

Каждый раз, когда они своим обычно спокойным голосом произносили эти нежные слова, это означало, что они достигли пика возбуждения. Даже если внешне они оставались невозмутимы и одеты с иголки, под одеждой царил хаос.

А-Цин.

Даже самый строгий голос, произнося эти два слога, становился нежным.

Но какой в этом смысл?

Разве отношения, построенные лишь на желании, могут измениться по сути, если сменить название?

Луна взошла и снова зашла.

На небе остался лишь тонкий слой лунного света, окрашивавший облака в тёмно-синие тона.

В тумане сознания Чжун Цину показалось, что прошло очень много времени, а в следующую секунду — что время застыло, и это никогда не кончится.

— Прекрати... Чжуан Янь! — он больше не мог терпеть. — Прекрати!

Чжуан Янь продолжал делать то, что хотел.

На грани срыва в его голове промелькнуло слово.

— Шань чжи!

Музыка оборвалась. Чжуан Янь замер.

Шань чжи — это было слово из горного диалекта, слово, которое он целый месяц молчал, лишь бы скрыть его существование.

Тогда оно казалось ему самым грубым и вульгарным в мире, но сейчас, услышав его из уст Чжун Цина, он нашёл его прекрасным, наполненным живой силой диких трав.

Он смотрел на Чжун Цина с мгновенным замешательством, словно тот вдруг стал ему незнаком. Но быстро пришёл в себя. Выражение его глаз стало трудноуловимым, холодным и в то же время горячим, как пламя, застывшее под толщей морского льда.

— Кто тебя научил?

— Старики в горах.

Чжун Цин наконец получил передышку. Он закрыл глаза и, тяжело дыша, сказал:

— На зимних каникулах я ездил на водохранилище и встретил там девочку по имени Шуньшунь. Она тоже живёт на той горе.

Малышка Пони отвезла Шуньшунь домой, и её родные в благодарность не только наготовили гостю целую гору блюд из картофеля, но и научили его нескольким словам из местного диалекта для усмирения лошадей.

«Шань чжи» они использовали, когда хотели, чтобы лошадь остановилась.

При упоминании зимних каникул та капля нежности в глазах Чжуан Яня, казалось, снова замёрзла.

Он холодно усмехнулся.

— Я должен тебя благодарить? За то, что, сбегая с Линь Цзыханем, ты ещё и обо мне вспомнил?

— Чжуан Янь, не переходи черту.

— Я перехожу черту?

— Я пытаюсь тебе угодить.

Зимний лёд тихо растаял, и сердце снова забилось горячо.

Чжуан Янь, пытаясь унять стук в груди, подумал: «Опять то же самое».

Всегда одно и то же. Одно слово — и он теряет голову, на каком бы языке оно ни было сказано.

— Что это? Стоп-слово? Седьмой пункт из твоего списка? Но, Чжун Цин, правила устанавливаю я.

Он наклонился, чтобы поцеловать влажные от пота волосы Чжун Цина, скрывая свои покрасневшие уши.

— Цзи цзао цзао, — тихо сказал он. — Если угадаешь, что это значит, я остановлюсь.

— ...Чжуан Янь! Ты можешь быть нормальным?

Ответом ему была ещё более яростная музыка рояля, готовая разорвать ночное небо.

— Я скажу, скажу, ладно? — Чжун Цин не мог вымолвить ни слова, это было для него совершенно незнакомое выражение. — Цзи цзао цзао, цзи цзао цзао... это значит «куриные лапки»? Или «завтракать»?

— Не угадал, Чжун Цин.

Но Чжуан Янь всё же остановился.

Он отнёс Чжун Цина в ванную. Тот уснул, не дождавшись, пока его вымоют. Уложив его в постель, он всё же не удержался и, снова обняв, стал нежно целовать.

Слова, которые он когда-то так хотел забыть, теперь снова и снова звучали в его голове.

Цзи цзао цзао.

Цзи цзао цзао.

Сказанное им.

Сказанное Чжун Цином.

Жизнь Чжун Цина вошла в странное, но спокойное русло.

Днём он флиртовал с Линь Цзыханем в университете, а вечером возвращался домой к Чжуан Яню играть в угадывание слов. Днём — романтика и невинность, ночью — скоростная езда.

Чжун Цину нравилось проводить время с Линь Цзыханем.

Частицы Линь Цзыханя были очень активны, они витали в воздухе, и даже сейчас, когда модель Чжун Цина была целой, находиться рядом с ним было бодряще, как от кофеина.

К тому же Линь Цзыхань был просто идеальным партнёром: его прекрасные руки не только играли на рояле, но и отлично справлялись с играми, и он не мешал Чжун Цину играть!

Он даже делал за него домашнее задание, пока тот играл!

Но Чжун Цину нравилось проводить время и с Чжуан Янем.

Частицы Чжуан Яня были стабильны. Стабильны рядом с ним и ещё более стабильны в теле Чжун Цина. Когда они были не вместе, они никак себя не проявляли, но стоило им сблизиться... слёзы были настоящими, и удовольствие — тоже.

К тому же у Чжуан Яня были деньги. И не только деньги, с ним было просто. Утром скажешь, чего хочешь, — вечером уже доставят, быстрее, чем тот роаль.

Кроме игровой приставки, увы.

«Дух овоща, ты собираешься до конца отыгрывать своего персонажа-подонка?»

Система, не в силах больше смотреть на его беззаботное веселье, напомнила:

«Ты же просто играешь со смертью! Чжуан Янь — это одно, но вот Линь Цзыхань... если он узнает о ваших отношениях, то возненавидит не только тебя, но и Чжуан Яня, и тогда миссия точно провалена».

«Да, и тогда моя задница тоже будет провалена».

«Именно, — вздохнула Система. — И моя тоже. Я же всё на тебя поставила».

С такой наивной Системой Чжун Цин не мог спорить, хотя его и вполне устраивала нынешняя жизнь: Чжуан Янь зарабатывает деньги, а он с Линь Цзыханем — красивые. Что может быть лучше?

У Системы, видимо, был дурной глаз.

После занятий Чжун Цин только достал приставку, чтобы устроить себе марафон, как подошёл Линь Цзыхань и забрал у него телефон.

Он сделал это медленно, неторопливо, без малейшей агрессии, так, чтобы не вызвать недовольства, но Чжун Цин почему-то не смог его опередить.

— Цзыхань?

— Сбежим вместе.

— ...Знаешь, Цзыхань, ты в последнее время говоришь всё более дикие вещи, — Чжун Цин пытался сохранить спокойствие. — Так шутить нельзя.

Линь Цзыхань спокойно улыбнулся, давая понять, что это не шутка.

— В этом году мы выпускаемся. После выпуска я уеду работать в другой город. Поехали со мной.

— Ты не останешься? — удивился Чжун Цин. По сюжету главный герой должен был остаться в этом большом городе, чтобы вместе с главным злодеем пройти через все испытания.

— Столица, конечно, прекрасна, но здесь никогда не понадобится строить водохранилище. Я хочу спроектировать такое, которое бы устроило всех: и чтобы оно было построено, и чтобы местным жителям не пришлось покидать свои дома.

Линь Цзыхань посмотрел на Чжун Цина с тёплой улыбкой.

— А-Цин, ты не хочешь узнать?

— ...Чжун Цин.

— Хорошо, Чжун Цин, — усмехнулся Линь Цзыхань. — Так какой твой ответ?

— А пуританам разве можно сбежать? — уклонился от ответа Чжун Цин.

— Если они искренне любят друг друга, то можно.

— Но любовь, добытая побегом, не будет благословенна.

— А чьё благословение нам нужно? У тебя нет родителей, и у меня тоже.

Чжун Цин понял, что у него не находится причин для отказа, но и согласиться он не мог. Если сюжет из-за этого исказится, он станет виновником всех бед.

Эта нерешительность не укрылась от Линь Цзыханя.

Он по-прежнему улыбался, но в его глазах улыбки уже не было.

— Ты не хочешь?

— Это нереально, Цзыхань. Подумай, я уеду, а как же конюшня? — с жаром принялся убеждать его Чжун Цин. — А семья Чжун? Хоть сейчас мой дядя и глава семьи, но акции-то у меня, я законный наследник. Если я уеду, Чжуан Яню придётся разгребать этот бардак несколько лет...

— Наконец-то ты сказал это.

— Что?

— Конюшня, семья Чжун — всё это предлоги, — лицо Линь Цзыханя стало холодным, как лёд.
— Единственный, кого ты не хочешь оставлять, — это Чжуан Янь.

Чжун Цин замер. Крик Системы вернул его к реальности.

«Дух овоща! Тревога! Механизм персонажа на грани!»

Чжун Цин, глядя на стремительно растущие цифры на панели, лихорадочно соображал.

Вероятно, в последние дни он слишком лебезил перед Чжуан Янем, и Линь Цзыхань решил, что у них действительно что-то есть. Как глубоко влюблённый персонаж второго плана, он не мог позволить своему объекту любви думать, что у него есть кто-то другой. Это было бы несмываемым позором.

Нужно было найти правдоподобное объяснение своим недавним поступкам.

— Да, я действительно не могу расстаться с его деньгами.

— ...Деньгами?

— Да, деньгами, — с горькой усмешкой сказал Чжун Цин. — Ты, наверное, думаешь, что я лгу, ведь денег, оставленных мне семьёй Чжун, хватит на всю жизнь. Но деньги деньгам рознь, Цзыхань.

Он отвернулся и посмотрел на зелёные насаждения вдоль дорожки вниз.

— Смотри, несколько месяцев назад я ждал тебя здесь под палящим солнцем полчаса, а потом просто пошутил с Чжуан Янем, и за каникулы школа втрое увеличила количество зелёных насаждений. Ты думаешь, это просто — построить несколько клумб и купить несколько деревьев? Не говоря уже о том, почему совет директоров согласился... Возьмём то сальное дерево. Оно родом с юга. Чтобы оно прижилось на севере, нужен лучший садовник. И пока оно живёт, этому садовнику нужно платить зарплату. Это огромные расходы. И всё потому, что я однажды сказал Чжуан Яню, что сальное дерево на смене сезонов прекрасно, как картина Моне.

— Или, например, столовая и библиотека, куда ты ходишь каждый день. Не заметил, что они тоже преобразились? Забавно, но это случилось в день нашей первой встречи. Угадай, о чём я говорил с Чжуан Янем, прежде чем столкнуться с тобой? Малышка Пони и её мать —

чистокровные ахалтекинские лошади. Её мать ещё жеребёнком забронировала королевская семья за границей. Угадай, почему в итоге её купил я?

— Чжуан Янь с десяти лет учился переговорам у старого директора Чжуана. В четырнадцать он стал наследником семьи и два года проходил закрытое семейное обучение, даже я мог видеть его всего час в день. В шестнадцать он начал реально управлять делами, а в восемнадцать уже мог на равных общаться с людьми вдвое старше его.

— Сейчас ему двадцать два... и эти люди уже не смеют сидеть в его присутствии.

Чжун Цин снова повернулся.

Он посмотрел на Линь Цзыханя и увидел, что тот стоит, холодный, как каменное изваяние, и лишь в его глазах ещё тлеют угли.

Чжун Цин чуть было не протянул руку, чтобы проверить, дышит ли он.

Боясь, что он сломал главного героя, он прекратил свою длинную речь и быстро закончил:

— Так что, Цзыхань, деньги деньгам рознь. Мои деньги — это просто деньги, а деньги Чжуан Яня — это власть и люди. Я знаю, какую цену нужно заплатить за последнее, но я не люблю платить, я люблю пользоваться готовым.

Голос Линь Цзыханя был тихим, как тонкий лёд, брошенный в кипящую воду.

— Это ты первым предложил сбежать.

— Потому что это был мой идеальный побег. Подъехать на «Майбахе», нажать на газ и умчаться тебя. Три месяца готовить тебе салаты, а потом, наигравшись, вернуться домой, где меня уже ждёт очередь из заграничных поваров.

— Для побега нужна смелость, — усмехнулся Чжун Цин. — Моя смелость — это деньги. Деньги Чжуан Яня.

— Пуритане ценят аскетизм, но я не пуританин. Я самый обычный человек в этом мире: жадный, похотливый, ленивый. Цзыхань, неужели... ты позволишь мне есть с тобой горькие овощи?

Линь Цзыхань надолго замолчал.

Его зрачки были светло-золотистыми, такими прозрачными, что все эмоции были видны как на

ладони. Чжун Цин смутно различил в них переплетение любви и ненависти, но было и что-то более сложное, глубокое, как водоворот, в котором невозможно было разглядеть дна.

Наконец, Линь Цзыхань заговорил. Его голос от долгого напряжения стал хриплым и неприятным:

— Так значит... если у меня будут деньги, власть и люди, ты согласишься сбежать со мной?

<http://bllate.org/book/16114/1591725>